

А.А. Илюшин

«Родина»

И вот они опять, знакомые места.
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста.
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житью последних барских псов...

Имеется в виду не столько усадьба в Грешневе Ярославской губернии, где прошли детские годы Некрасова, сколько «большая» Родина поэта — Россия, о чем свидетельствуют и название стихотворения, и в дальнейших описаниях некоторые несовпадения с реальным обликом этого поместья. Крепостные «рабы» в этом краю жили хуже «барских псов». Вспомним по этому поводу, что у Пушкина Дубровский-старший говорит Троекурову: «Псарня чудная, вряд ли людям вашим житье такое ж, как вашим собакам» (роман «Дубровский» был впервые опубликован в 1841, незадолго до некрасовского стихотворения, написанного в 1846). Итак, таков край,

Где было суждено мне
Божий свет увидеть...

На самом деле Некрасов «увидел свет», то есть родился, на Украине, в Подольской губернии, откуда семья вскоре переехала в Грешнево. Воспоминания детства, проведенного здесь, тяжелы: отец поэта представлен крепостником, развратником, семейным тираном, мать — прекрасной безропотной страдальницей, безвременно сошедшей в могилу, и теперь словно бы ее призрак бродит здесь:

Вот темный, темный сад...
Чей лик в аллее дальней
Мелькает меж ветвей, болезненно печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!

В книге «Некрасов, как художник» (1922) проницательный и в те годы вполне откровенный К. Чуковский высказал убеждение в том, что образ горячо любимой сыном молодой и прекрасной, глубоко страдающей матери поэта — миф, созданный Некрасовым уже после смерти Елены Андреевны (1841), к которой при ее жизни сын был равнодушен и даже не приехал из Петербурга на похороны. Между тем впоследствии образ матери занял огромное место в его творчестве, а есть к тому же свидетельство, что еще семилетним мальчиком он написал стихотворение, начинающееся словами «Любезна маменька...» В стихотворении же «Родина» впервые сказано о ней как о жертве «угрюмого невежды» — так назван отец поэта. Отныне стихи о матери становятся неотъемлемой частью всего написанного Некрасовым о «долюшке женской». Здесь же поэт вспомнил и любимую сестру, тоже уже покойную, всего на год пережившую мать:

Тебя уж также нет, сестра души моей!

Елизавета Алексеевна Некрасова вышла замуж, уехала и вскоре умерла родами. В день ее похорон отец, на которого возводятся столь тяжкие обвинения, плакал...

Вспомнилась и няня. Ее воспитанник умиленно и благоговейно любил ее, но...

Ее бессмысленной и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...

Судя по черновым вариантам текста, можно предположить, что Некрасов усматривал некоторую слащаво-патриархальную идеализацию в традиционной обрисовке образа доброй нянюшки — такой, как известная Арина Родионовна у Пушкина. И автор «Родины» сам поддался было обаянию этой сентиментальной традиции, но вовремя спохватился:

Нет! в юности моей, мятежной и суровой.
Отрадного душе воспоминанья нет;
Но все, что, жизнь мою опутав с первых лет.
Проклятьем на меня легло неотразимым, —
Всею начало здесь, в краю моем родимом!..

Фраза, занимающая три последние из приведенных строк, построена синтаксически неправильно. *Но все...* в начале этой фразы требовалось бы заменить на *Всею*. Тогда получилась бы привычная фигура риторического повтора: «Всею, <...> всею начало здесь». Можно было бы оставить и *Но все*, однако тогда после слова *неотразимым* следовало бы поставить многоточие, как в незаконченной от сильного лирического волнения фразе.

И с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный двор —
В томящий летний зной защита и прохлада, —
И нива выжжена, и праздно дремлет стадо.
Понутив голову над высохшим ручьем,
И набок валится пустой и мрачный дом...

Есть устойчивое словосочетание: *дворянское гнездо* (вспомним хотя бы название тургеневского романа). Один из вариантов названия некрасовской «Родины» — «Старое гнездо». От Гоголя («Мертвые души») до Чехова («Вишневый сад») сквозь всю русскую классику проходит тема запустения, разорения когда-то процветавшего дворянского гнезда. Тема невеселая, и, как правило, писали об этом с приглушенной лирической грустью, с элегическим вздохом. Некрасов, напротив, злорадствует. Ибо в родном ему дворянском гнезде всем жилось плохо, и лишь его отец, выше названный палачом, тот, который

...всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил.